

УДК 94:323.1(476):159.922.4(=161.3:=162.1)"183/192"

Реакция белорусов на польскость как отражение особенностей их ментальности и показатель развития этнического самосознания (30-е годы XIX – начало 20-х годов XX в.)

А.М. КРОТОВ

Рассматривается реакция белорусов на польскость как отражение особенностей их ментальности и показатель развития этнического самосознания в 30-х годах XIX – начале 20-х годов XX в. Делается вывод, что в рассматриваемый период белорусы стали избавляться от инертности и пассивной вялости, сформировавшихся за период польского доминирования в Беларуси и начали выходить из состояния этнического инфантилизма. В результате роста этнического самосознания белорусов стало меняться их отношение к полякам и польскости от пассивно негативного до открыто враждебного.

Ключевые слова: белорусы, ментальность, этническое самосознание, поляки, польскость.

The reaction of Belarusians to Polishness as a reflection of features of their mentality and an indicator of the development of ethnic self-awareness in the 30s of the XIX – beginning of the 20s of the 20 century is discussed. It is concluded that in the period under review, the Belarusians began to get rid of the inertia and the passionate apathy that had been formed during the period of Polish domination in Belarus and began to emerge from the state of ethnic infantilism. As a result of the growth of the ethnic identity of the Belarusians, their attitude towards the Poles and Polishness changed from passively negative to openly hostile.

Keywords: Belarusians, mentality, ethnic self-consciousness, Poles, Polishness.

Люди, как правило, имеют ментальность и психический склад того этноса, к которому принадлежат. Это активно проявляется в их деятельности и поведении, что нельзя не учитывать при изучении процесса общественно-исторического развития.

В «Новой философской энциклопедии» (М., 2001 г.) ментальность (менталитет) определяется как «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определённым образом» [1]. Проще говоря, ментальность – это социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Она неразрывно связана с психическим складом этноса. А этот склад является неповторимым в своей индивидуальности сочетанием свойств, образующих устойчивое единство и отражающих то общее, что есть у каждой этнической общности: этнический менталитет, этнический склад ума, этнический темперамент и характер, этнические стереотипы, этнические чувства, интересы и ориентации, традиции и обычаи, этническое самосознание» [2].

Белорусы и поляки не являются исключением. Вряд ли сегодня стоит сомневаться в том, что поляки имеют весьма развитое национальное самосознание и национальный характер, закалённый в многочисленных войнах с внешними врагами и в национально-освободительных восстаниях. Они имеют богатую национальную мифологию, утверждающую в польской национальной среде патриотические и культуртрегерские идеи, а также убеждение в своей национальной и культурной исключительности. Взятые в комплексе признаки, характеризующие как отдельно взятого поляка, так и поляков в целом, у самих поляков ассоциируется с польскостью. В большом «Словаре польского языка» Витольда Дорошевского она определяется как «польский характер чего-то, комплекс польских признаков» [3].

Так уж исторически сложилось, что для белорусов поляки и польскость не являются чем-то незнакомым, абсолютно непонятным и чуждым. Этнокультурная диффузия, которая происходила в Беларуси на протяжении многих веков, привела к сближению белорусов и поляков, зарождению того, что психологи называют «эмоциональной связью». Белорусско-литовские кресы стали местом, о котором многие польские авторы (прежде всего уроженцы

самих кресов) писали с умилением. В польском искусстве, художественной литературе и публицистике XIX – начала XX в. они неизменно предстают в романтическом пасторальном образе. Особым было и отношение поляков к местным жителям.

Как известно, в генезисе национального сознания белорусов XIX – начало XX в. занимают особое место. В результате потрясений рубежа XVIII–XIX вв. сложились условия, благоприятствовавшие выходу их культурной жизни за пределы того формата, в котором она существовала ранее. При этом очевидно, что белорусское национально-культурное возрождение, восходящее корнями к началу XIX в., помимо своего генерального, сугубо культурного аспекта, имело также и политическую составляющую, хотя выражена она была чрезвычайно слабо. Зарождающееся национальное движение белорусов изначально имело антиполонизаторскую направленность, а после подавления российским царизмом польских национально-освободительных восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. приобрело также и направленность антирусификаторскую. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идёт именно об антиполонизаторской и антирусификаторской, а не об антипольской и антирусской направленности.

Что касается антирусификаторской направленности, значение её не стоит преувеличивать – в Беларуси не было сил (за исключением поляков), которые могли бы этой тенденции придать хоть какую-нибудь силу. Всё ограничивалось пассивным неприятием белорусским обывателем русского образа жизни, русских нравов и морали. Трудно было ожидать от белорусов, чьё этническое самосознание находилось в зачаточном состоянии и проявляло себя только в противопоставлении с представителями более низких по статусу, а точнее – более дискриминируемых групп, открыто негативного восприятия представителей господствующих этносов – поляков или русских.

В этих условиях царизму удавалось довольно успешно реализовывать в Беларуси программу-минимум своей национальной политики, суть которой сводилась к отторжению белорусов от польскости. Программу-максимум – полную русификацию края – никто с повестки дня, конечно же, не снимал, но реализация её откладывалась на перспективу. На практике с середины 60-х гг. XIX в. вплоть до начала Первой мировой войны процесс белорусского национального возрождения практически полностью перешёл в русло культурно-просветительной работы, развивавшейся под русским административным и идеологическим контролем.

Несомненные успехи царизма в деле интеграции белорусских земель в организм Российской империи объясняется несколькими причинами, в числе которых, без всякого сомнения, был этнический инфантилизм белорусов, усугублявшийся синдромом относительной депривации (депривация – сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные психофизиологические либо социальные потребности – А.К.).

Относительная депривация представляет собой субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение «ценностных ожиданий» (т. е. благ и условий жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (т. е. тех благ и условий жизни, которые люди, по их представлению, могут получить в реальности) [4]. В основе синдрома относительной депривации лежит механизм социального сравнения. Индивиды, принадлежащие к одному этносу, могут сравнивать своё положение и положение представителей других этнических групп (либо свои возможности в прошлом и в настоящем) или же они обнаруживают резкое несоответствие между тем, во что они верят, что является должным, и тем, что они знают о реальности, тем, как она им открывается. Социальное сравнение содержит в себе значительную ценностную нагрузку и поэтому приводит людей к мысли о несправедливости обнаруженных несоответствий.

Относительная депривация описывается в научной литературе как феномен, имеющий важное социальное значение. Накопленная неудовлетворённость и острое переживание несправедливости существующего положения имеют тенденцию распространяться в социальной среде, вызывать социальное беспокойство и диффузную агрессию, что в итоге приводит к росту социальной напряжённости. Считается, что относительная депривация является важным условием разных форм коллективного действия – от бунтов и революций до протестного поведения и социальных движений.

Будучи лишёнными возможности чувствовать себя хозяевами на своей собственной земле, вынужденными приспособляться к выживанию в условиях польского, а затем российского доминирования и господства белорусы чувствовали себя ущемлёнными; их достаток, а, следовательно, и жизненный уровень были чрезвычайно невысоки; шёл процесс депривации жизненных стандартов, суть которого прекрасно передаёт латинское выражение «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». При этом никакой реакции на доминирование и господство чужаков на практике белорусы не выказывали. Однако это вовсе не означает, что самой реакции не было – белорусы приспособлялись терпеть и ждать положительных для себя изменений, которые должны были произойти как бы сами собой. Но эта реакция для белорусов, как этносоциального организма, не могла пройти бесследно, без трансформирующих последствий.

С точки зрения социобиологии и медицины, в «цивилизованном» социуме наиболее частым вариантом выхода-выплеска агрессии, которая является врождённым инстинктом, являются в первую очередь соматические болезни. Если в обществе, по понятным причинам, человек лишён возможности безнаказанно выплеснуть агрессию наружу, лишён средств, позволяющих временно заглушить приступы агрессии, либо его моральные устои не позволяют ему их использовать, то агрессия направится вовнутрь, вызовет изменения, которые, в свою очередь, приведут к т. н. «психосоматическим» заболеваниям, за которыми идут более серьёзные болезни, в том числе и опасные для жизни.

В принципе, подобные симптомы без труда можно распознать в белорусах. Прежде всего, это их подавленный, депрессивный вид, и такое же состояние души, что предполагает, исходя из изложенного выше, раздражительность и агрессивность, которые, однако, белорусам приходилось разными способами в себе подавлять. Конечно, это сказывалось на них самым негативным образом и выражалось во впечатлении, которое они неизменно производили на чужаков.

Например, в «Живописном альбоме. Народы России», изданном в 1877 г., мы читаем: «В 40–50 лет, белорус выглядит совершенным стариком, особенно женщины, которые стареют весьма рано... Между взрослыми мужчинами... почти невозможно встретить ту осанность, русскую крепость и красоту, про которую говорят: «кровь с молоком» и которую во все не редкость встретить среди населения великорусских губерний или ту, как бы железную крепость, которая отличает сухого и смуглого малороса» [5, с. 46]. Однако главную проблему авторы увидели не в быстром старении белорусов и не в их телесном тщедушии, а в характере: «Но не в одной бедности, беспечности и страсти к вину оставили после себя следы тяжкие невзгоды, которые переносил в былые годы белорусский народ. Они испортили его нрав, забили, принизили его. Привыкши в течение долгого времени терпеть гнёт со всех сторон, изгибаться, коленопреклоняться, лгать и подличать для своей безопасности не только перед паном помещиком, но и подпанком – экономом (управляющим) и паном арендарем (евреем, арендующим корчму), белорус и до сих пор остаётся лукавым, двоедушным, недоверчивым, скрытным со всяким, кто сколько-нибудь похож на пана, будет ли то чиновник, писарь или совсем посторонний человек. Раболепство же его и унижение перед всеми, кто выше его, подчас претупают всякую меру» [5, с. 51]. Отсутствие у белорусов жизненной энергии и их приспособленчество отмечали практически все российские исследователи, которые занимались народописанием [5, с. 43–57], [6, с. 240–250], [7, с. 277–284].

И не только исследователи – образ белоруса, вызывающий глубокое сочувствие и скорбь, вывел Н. Некрасов в своём стихотворении «Железная дорога»: «...Волосом рус, / Видишь, стоит, изможден лихорадкою, / Высокослый большой белорус: / Губы бескровные, веки упавшие, / Язвы на тощих руках, / Вечно в воде по колено стоявшие / Ноги опухли; колтун в волосах; / Ямою грудь, что на заступ старательно / Изо дня в день налегала весь век... / Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно: / Трудно свой хлеб добывал человек! / Не разогнул свою спину горбатую / Он и теперь ещё: тупо молчит / И механически ржавой лопатою / Мерзлую землю долбит!» [8].

В другом своём произведении – «Кому на Руси жить хорошо» (Глава 4. Счастливые) – Н. Некрасов вновь показывает читателю типичного белоруса с охарактеризованными выше чертами его национального характера: «Желтоволосый, сгорбленный, / Подкрался робко к странникам / Крестьянин – белорус, / Туда же к водке тянется: / – Налей и мне маненичко, / Я счастлив! – говорит. / «А ты не лезь с ручищами! / Докладывай, доказывай / Сперва, чем счастлив ты?» / – А счастье наше – в хлебужке: / Я дома в Белоруссии / С мякиною, с ко-

стрикою / Ячменный хлеб жевал; / Бывало, вопишь голосом, / Как роженица корчишься, / Как схватит животы. / А ныне, милость божия! – / Досыта у Губонина / Дают ржаного хлебушка, / Жую – не нажуюсь!» [9].

Учитывая сказанное о белорусах российскими этнографами, писателями и поэтами, можно не сомневаться в том, что смирение белорусов, их молчание, было способом мимикрии, приспособления к обстоятельствам жизни. А о том, что было у них на душе, красноречиво говорят белорусские народные песни, наполненные безысходной грустью и печалью.

Как считается, полностью механизмы депривации-фрустрации-агрессии и у социального индивидуума, и той этнической группы, к которой он принадлежит, могут быть исключены только при приведении в соответствие имеющихся «жизненных» установок с реально сложившимся «жизненным» положением [4].

Своими силами в рассматриваемый период, впрочем, как и ранее, белорусы эту проблему были не способны решить. По причине неразвитости этнического самосознания они чувствовали очень слабую связь с представителями собственной этнической группы, что чрезвычайно сильно ослабляло их сопротивленческий потенциал, способность к противодействию внешнему давлению. Да и что касается «жизненных» установок, тут тоже были очень серьёзные проблемы. Как известно, жизненные установки напрямую связаны с потребностями, потребности – с уровнем образования и культуры. Если следовать по этой логической цепи в обратном направлении, проблемы начинаются сразу же – уровень образования и культуры белорусов оставлял желать лучшего. Тот, кто должен был заниматься их повышением – представители белорусской элиты – став когда-то на путь полонизации и ренегатства, бросили свой народ на произвол судьбы. В состав Российской империи белорусы вошли уже без этой элиты. В жизни же простонародья всё сводилось к элементарному выживанию – не более того. Хотя это, конечно же, не исключало существования традиционной народной культуры на бытовом уровне.

Таким образом, в XIX в. у белорусов не было оснований и поводов для завышения собственной самооценки, зато имевшие место быть чётко осознаваемый невысокий культурный уровень, отсутствие «маяков» в лице представителей собственной национальной элиты, очень низкая пассионарность и т.п. порождали комплекс этнической неполноценности, которая проявлялась при пробировании её, в частности, польской «лакмусовой бумажкой». Пожалуй, это сравнение является наиболее показательным, поскольку большего несоответствия уровней этнического самосознания, этнических (что касается поляков – национальных) амбиций и т. п. трудно найти. В то время, когда поляки были буквально одержимы своей национальной исключительностью (защитники европейской цивилизации и цитадели католицизма на востоке Европы, прирождённые демократы и в этом своём качестве – последовательные борцы с тираниями и деспотиями), белорусы вообще имели большие затруднения с этической самоидентификацией.

Но национальные их качества, как уже было сказано, оказались в фокусе внимания этнографов – сначала российских, а затем уже и польских. Оценивались они по-разному – в зависимости от обстоятельств и от мотивации оценивающего – и как достоинства белорусов, и как их недостатки.

В наши дни эта тенденция продолжает сохраняться. Так, например, в своей книге «Таямніцы народнай душы», Э.С. Дубенецкий [10] продемонстрировал идеалистический подход к анализу особенностей белорусского национального характера («народной души») и представил, по сути дела, белорусский автостереотип со всеми его позитивными чертами и качествами. Однако все они, как правило, совсем иначе интерпретировались (и интерпретируются) зарубежными, в первую очередь, российскими и польскими исследователями. В этой связи вполне уместно будет привести следующий афоризм: «Любое человеческое качество – это монета, где достоинство и порок – аверс и реверс».

Этнический инфантилизм белорусов, их инертность и пассионарная вялость давали повод и полякам, и русским видеть в них податливый для ассимиляционного воздействия демографический материал.

Отмечая указанные качества белорусов вообще и в преддверии их национально-культурного возрождения в частности, представляется необходимым сказать, что роль ката-

лизатора, значительно ускорившего этот процесс, выполнили представители кресовой польскости. В реалиях российского политического преобладания кресовые поляки, стремясь предотвратить русификацию Беларуси, грозившую потерей всех результатов польской «культурной» работы на кресах, оказали большое содействие не только развитию белорусской национальной культуры, но и развитию этно-политического сознания белорусов [11]. Деятельность «филологических подстрекателей» из числа кресовых поляков привлекла к культурной работе этнических белорусов, в скором времени начавших доминировать и перенаправивших это развитие в иное русло, ведущее совсем не туда, куда по замыслам пионеров белорусского национально-культурного возрождения оно должно было вывести – к отрыву Беларуси от такого мощного центра притяжения и генератора чуждых польскости влияний, каким являлась Россия [11, с. 60].

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, и русификаторская работа в Беларуси не дала желаемого идеального результата. Российские власти довольно быстро поняли, что процесс национально-культурного возрождения белорусов можно использовать в антипольских целях и после восстания 1863–1864 гг. пытались доказать в рамках принятой на идеологическое вооружение «теории западнорусизма», что белорусы являются самобытным ответвлением русского этноса, а их этнографические отличия являются результатом польских влияний.

Интерес к белорусам, проявленный поляками и русскими в рамках идеологического противостояния между собой, без всякого сомнения, сыграл положительную роль в деле конструирования белорусской этничности, за которую сознательно взялись пассионарии из новоформирующейся белорусской интеллигенции. Они не только открыто заявили о праве белорусского народа на свою собственную культуру, но и сделали многое для того, чтобы превратить «тутэйшага» в «белоруса» – человека, который имел собственное представление о себе, о своеобразии той национальной общности, к которой принадлежал, и о внешнем мире. Хотя Ф. Богусевич и Я. Купала начинали писать по-польски, а Я. Колас и М. Богданович – по-русски, все они сознательно, намеренно пришли к творчеству на белорусском языке и помогли эту метаморфозу осуществить.

Придать рыхлому этническому самосознанию белорусов новое качество и вывести их из оцепенения в специфических условиях второй половины XIX – начала XX в. было очень сложно. Однако общая ситуация, сложившаяся в европейской культурной и общественно-политической мысли того времени, этому способствовала – накануне и во время Первой мировой войны активизировался процесс пробуждения национального самосознания неполитических народов Европы, в том числе и белорусского. Более того, на фоне развала Российской, Австро-Венгерской и Германской империй многие из них взялись за формирование собственных государств.

Факт создания Белорусской Народной Республики показывает, что и белорусы не стали исключением. Однако если сравнивать государственно-строительный процесс, начавшийся в Беларуси, и борьбу за сохранение БНР, с подобными же процессами, происходившими в других странах Восточной Европы, очевидно, что это дело не стало делом всех белорусов. Подавляющее их большинство не проявило никакой заинтересованности в создании БНР и её защите, и привычно старалось стоять в стороне от бурных событий этого беспокойного времени, проявляя одно из всегда высоко ценившихся в белорусах качеств – трезвомыслие.

Однако политической пассивностью основной массы белорусов, отсутствием национальной элиты, которая смогла бы убедить эту массу пойти за собой и своей решительностью придать ей энтузиазм, воспользовались поляки, развернувшие борьбу за возвращение «восставшей из пепла» Польше «своих кресов» [12]. Пожалуй, впервые поляки предстали перед белорусами в роли враждебной внешней силы. Жизнь показала, что со времени разделов Речи Посполитой в отношении белорусов к полякам многое переменилось. Интуитивно ранее осознаваемая белорусами собственная отчуждённость от поляков, которую они ранее не решались выказывать, по мере развития в белорусах собственного этнического самосознания, в общественно-культурной жизни XIX – начала XX в., модерируемой российскими властями, стала проявлять себя открыто. Расчёты поляков на то, что белорусский народ – «тёмный, несознательный, неграмотный, который не имел понятия, что такое «националь-

ность», «национальная борьба», «национальное сознание», ...который заботится только о том, чтобы хорошо жить, потреблять и потому не думает ни о каком другом деле» [13], останется и в текущий исторический момент, как это было не раз в прошлом, в стороне от решения судьбы своего отечества и своей собственной, не оправдались.

Поляки довольно трезво оценивали государственно-строительный потенциал белорусов. Так, например, «Dziennik Poznański», в августе 1918 г., имея в виду пассивность и малую значимость белорусов в устройстве кресов, заявлял: «В Беларуси имеются условия для жизни, однако благодаря иным национальностям, которые её населяют» [13]. Однако поляков не покидали опасения, что в борьбе за возвращение кресов им придётся столкнуться с русским противодействием, для которого белорусское национальное движение и белорусская государственность станут лишь прикрытием.

Белорусские политики не воспринимались представителями польского истеблишмента всерьёз. Для этого не надо было давать и особых поводов. Они исходили из стереотипного представления о белорусах. Однако и белорусские политики своей риторикой, своими действиями это представление зачастую подтверждали, демонстрируя политический инфантилизм. Проявилось это, прежде всего, в наивном их расчёте, что поляки, позиционировавшие себя борцами «на нашу и вашу волю», возрождая независимое польское государство, окажут и белорусам помощь в деле строительства их собственного государства. Но с этими иллюзиями вскоре пришлось расстаться. Выходившая в Вильно газета «Гоман», с горечью констатировала: «Польский народ относится к нам... как «волк» к «овце». И если теперь Польша, в значительной мере силами наших людей, добыла свободу..., то вместо благодарности не только не попыталась помочь, но, ещё даже не успев организовать, как следует, желает прибрать наш край под своё шляхетское господство. Этим она предала не только этот край, но и шумно воспетый польский демократизм – «за нашу и вашу волю» [14].

В отношении белорусов к полякам и польскости как таковой в конце 10-х – начале 20-х гг. XX в. произошли большие перемены. Появилась эмоционально-психологическая основа для их негативного и даже враждебного восприятия. Но, как известно, внешняя опасность интегрирует этническую общность. В развитии национального самосознания белорусов произошёл скачок, превративший их из этнографической фикции в народ, демонстрировавший свои амбиции. Движило ими, как сказал Я. Купала в своём стихотворении «А кто там идёт?» – презренными, слепыми и глухими» – обида и желание «называться людьми» [15].

Литература

1. Визгин, В.П. Ментальность [Электронный ресурс] / В.П. Визгин // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / под ред. В.С. Стёпина. – М. : Мысль, 2001. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/МЕНТАЛЬНОСТЬ / – Дата доступа : 14.03.2019.
2. Бафаев, М.М. Этнический менталитет как компонент психического склада этноса [Электронный ресурс] / М.М. Бафаев, Ш.Ш. Останов // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/etnicheskij-mentalitet-kak-komponent-psihicheskogo-sklada-etnosa>. – Дата доступа : 14.03.2019.
3. Słownik języka polskiego [Elektronowy dokument]: w 11 t. / Red. nac. W. Doroszewski. – Warszawa: Wydaw. Nauk. PWN, 1996–1997. – Reżim dostępu : <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/polskosc;5476593.html>. – Data dostępu : 10.03.2019.
4. Климов, И.А. Депривация [Электронный ресурс] / И.А. Климов // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа : <https://bigenc.ru/sociology/text/1948445>. – Дата доступа : 07.03.2019.
5. Народы России. Живописный альбом. – СПб. : Типография товарищества «Общественная Польза», 1877. – 572 с.
6. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии / М.О. Без-Корнилович. – СПб. : Типография III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии, 1855. – 355 с.
7. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: в 19-ти т. / под общ. ред. П.П. Семенова. – СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1882. – Т.3. Ч.1. Литовское Полесье ; Ч. 2. Белорусское Полесье. – 490 с., VI с.: 23 л. ил.

8. Некрасов, Н. Железная дорога [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа : <http://www.stihi-rus.ru/1/Nekrasov/30.htm>. – Дата доступа : 10.03.2019.
9. Некрасов, Н. Кому на Руси жить хорошо [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/13/index.html>. – Дата доступа : 02.03.2019.
10. Дубянецкі, Э.С. Таямніцы народнай душы: кн. для вучняў : для сярэд. і ст. шк. узросту / Э.С. Дубянецкі. – Мн. : Нар. Асвета, 1995. – 47 с.
11. Кротов, А.М. О трансформации национально-политического сознания поляков Беларуси в 1795–1921 гг. / А.М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2012. – № 4 (73). – С. 58–64.
12. Кротов, А.М. Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня: об анатомии белорусско-польского конфликта 1918 г. / А.М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5 (68). – С. 41–47.
13. Białoruś, jej prądy i nadzieje // Dziennik Poznański. – 1918. – 4 sierpnia // Archiwum Akt Nowych (Polska, Warszawa). – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 1 c, 1.382.
14. Antypolska agitacja «Homana», wyątek z gazety «Naprzód», bez daty // Archiwum Akt Nowych (Polska, Warszawa). – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2a, 1.439/2.
15. Купала, Я. А хто там ідзе? [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Вершы беларускіх паэтаў. Нацыянальны паэтычны партал. – Рэжым доступу : <http://vershy.ru/content/khto-tam-idze>. – Дата доступу : 29.01.2019.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 17.03.2019